

Хэ И благополучно провел свое первое занятие в качестве репетитора.

Хэ Яньчжэнь и сам не понимал, как так вышло, что он пошел на попятную. Вступать с Хэ И в открытое противостояние он не собирался. Даже если во время занятий на него накатывала лень, он просто отлынивал, выкраивая минутку-другую для безделья.

Позже, когда друзья принялись допытываться, в чем дело, он всерьез задумался и пришел к выводу: во всем виновата невероятная хватка Хэ И.

В самый первый день этот парень прямо в обед взял лист бумаги, ручку и с ходу составил для него проверочную работу. С момента сдачи собственного Гаокао прошло уже полгода, но в его голове, казалось, до сих пор в деталях хранились все школьные учебники.

Такая демонстрация способностей не на шутку впечатлила Хэ Яньчжэня. Любопытство к личности нового учителя быстро пересилило мимолетную лень. И пока запал не угас, Хэ И ковал железо пока горячо: следил, как ученик щелкает задачи, и тут же разбирал ошибки.

К тому же манера преподавания Хэ И в корне отличалась от школьной.

В школе те же темы объясняли заунывно, словно читали заупокойную молитву, и Хэ Яньчжэня хватало от силы на пять минут, после чего его мысли уносились далеко-далеко. У учителей учеников пруд пруди, так что до сидящего на последней парте бездельника никому не было дела — никого не волновало, что его разум давно витает в облаках, оставив за столом лишь пустую оболочку.

Хэ И же вел себя как загадочный молодой наставник, который взял себе единственного ученика и теперь зорко следил за каждым его шагом. Он говорил размеренно, четко расставляя акценты, а на самых важных моментах обязательно вскидывал взгляд, по мимике определяя, усвоил ли Яньчжэнь материал или просто делает вид.

Хэ Яньчжэнь был парнем самолюбивым. Порой, чтобы не ударить в грязь лицом, он пытался согласно кивать с умным видом, но Хэ И моментально выкупал этот трюк.

Разумеется, избалованный юноша даже не догадывался, каких трудов это стоило Хэ И.

Возвращаясь по вечерам из дома Хэ в общежитие, Хэ И дотошно анализировал прошедшее занятие и выписывал все темы, в которых его подопечный плавал.

Хэ Яньчжэню вечно казалось, что его заваливают домашкой, так что после решения тестов он наотрез отказывался переписывать ошибки в отдельную тетрадь.

Хэ И не давил. Вместо этого он сам завел по каждому предмету по несколько тетрадей для работы над ошибками и подробных учебных планов. Он систематизировал ключевые

экзаменационные темы, отслеживая прогресс ученика по дням, неделям и месяцам.

Сам Яньчжэнь искренне полагал, что просто стал лучше стараться и у него внезапно прорезалась отличная память. На деле же это было результатом тонкой, целенаправленной тренировки.

У Хэ И имелась собственная методика запоминания. Он ненавязчиво прививал ее ученику, выстраивая план так, чтобы пройденный материал регулярно всплывал в тестах и ассоциативных связях. Короткая память постепенно перерастала в долговременную.

Хуже всего было то, что Яньчжэнь по природе своей оставался непоседливым и постоянно отвлекался.

Стоило Хэ И заговориться без остановок, как парень тут же начинал витать в облаках. Но стоило объявить перерыв, как тот развивал бурную деятельность: то ему срочно нужно в туалет, то попить водички, то перекусить...

Именно это в конце концов и привело к первой серьезной размолвке.

В те дни в Бэйчэне свирепствовал тяжелый грипп. Пол-университета слегло с температурой. Даже богатырь Пэн Хай из баскетбольной сборной превратился в лежащего больного. Поскольку старосты Чжэнь Кайнана в общежитии не было, вся надежда Пэн Хая в плане еды из столовой легла на плечи Хэ И.

Сам Хэ И за последнее время заметно окреп благодаря сытным обедам в доме Хэ. Его щеки даже порозовели, и поначалу зараза его обходила стороной. Но в одно прекрасное утро, едва встав с кровати, он почувствовал, как перед глазами все поплыло. Горло сдавило сухой режущей болью — он не смог вымолвить ни слова.

Пэн Хай не шутя перепугался и порывался отвести соседа к врачу. Но Хэ И думал лишь об одном: если это действительно грипп, занятия придется отменить, чтобы не заразить Яньчжэня.

Но пропустить несколько дней означало полностью сбить график обучения. Программа Хэ И была выстроена с жестким расчетом времени: малейший сбой рушил всю цепочку, и эффективность подготовки сводилась к нулю.

Горя от беспокойства, он наглотался таблеток и забил на утренние пары. Все это время он лихорадочно перекраивал учебный план, пытаясь втиснуть огромный пласт информации по химии и биологии в сегодняшнее обеденное занятие.

В обед Хэ И созвонился с госпожой Лян и предупредил, что вынужден взять перерыв на несколько дней.

Учитель Лян сразу же согласилась и даже велела кухарке приготовить целебный отвар от кашля, строго-настрого наказав Хэ И забрать его с собой и выпить, пока горячий.

И только Хэ Яньчжэнь, смекнув, что временная отлучка репетитора сулит ему внезапные каникулы, весь обед так и светился от счастья.

Хэ И, глядя на его довольную физиономию, закипал от злости. Ну истинно говорят: царю нужда, а холопу потеха. Сам ученик и пальцем пошевелить не хочет, пока репетитор надрывается.

После обеда они сели за стол. Говорить Хэ И было тяжело, приходилось то и дело прерываться и переводить дух. Яньчжэнь же взялся за старое: за какой-то час умудрился выскочить из комнаты раза четыре.

— Да сколько можно метаться? — на четвертый раз не выдержал Хэ И. Он встал у двери, преграждая путь. — Ты ведь заходил в туалет прямо перед тем, как сесть за стол. Десяти минут не прошло!

— Так я воды только что напился, — Яньчжэнь попытался обойти его то с одной, то с другой стороны, глупо улыбаясь. — Ну пусти, я на одну секундочку. Правда приспичило, сил нет.

Хэ И сурово отрезал:

— Раз приспичило — делай прямо здесь.

Яньчжэнь прыснул:

— Прямо здесь? Тут даже ночного горшка нет. Да и вообще, если ты будешь так на меня смотреть, у меня ничего не получится...

В горле Хэ И снова противно закололо, а от подступившей к горлу ярости заломило виски.

Он молча отвернулся.

Но Яньчжэнь не унимался: лез прямо под руку, заглядывал в лицо и канючил: «Ну, гэгэ, сделай милость!», «Пощади младшего, сейчас лопну!» Будучи на целую голову выше Хэ И, он умудрялся так смешно подгибать колени и сутулиться, что казался даже ниже него.

Хэ И зажмурился. Воспользовавшись этим, Яньчжэнь нагло притерся ближе и устроил тяжелый подбородок прямо у него на плече.

— Слышишь, старший? Ты же сам только что объяснял: избыток жидкости тормозит секрецию нейронов гипоталамуса, из-за чего падает уровень антидиуретического гормона...

Хэ И лишился дара речи.

Чтобы сэкономить время на зубрежке биологии, Хэ И несколько ночей кряду чертил сложнейшие ментальные карты, сводя воедино все экзаменационные билеты. А этот бездельник теперь щеголял свежими знаниями исключительно ради того, чтобы увильнуть с урока!

Да и с этой болезнью... Хэ И места себе не находил, переживая, что успеваемость покатится вниз, а Яньчжэнь радовался законной лафе.

Смысла во всем этом не было никакого. Опустив руки, Хэ И медленно открыл глаза и молча отошел в сторону.

Почувствовав свободу, Яньчжэнь пулей вылетел за дверь. Черт знает, где его носило целых десять минут. Когда он наконец соизволил вернуться, Хэ И уже складывал учебники в рюкзак.

Тот развалился на компьютерном кресле и удивленно вскинул брови:

— Ого! Сегодня освобождаемся пораньше?

Хэ И сухо буркнул в ответ и, помешкав, вытащил из стопки свежие записи.

— Здесь основные моменты сегодняшней лекции. Мы успели разобрать только половину, так что почитай сам, на досуге пригодится. — Он опустил листы на стол и добавил к ним толстую тетрадь. — А тут задачи по электродинамике заряженных частиц. По физике у тебя оценки неплохие, но именно на этой теме ты постоянно срезаешься. Обрати внимание.

Напутственные слова репетитора прозвучали как-то странно. Яньчжэнь насторожился.

— Эй, ты чего, обиделся? — он навалился грудью на стол, пытаясь поймать взгляд Хэ И. — Да ладно тебе, из-за такой ерунды... Всё, обещаю больше не сбегать.

Не проронив ни слова, Хэ И застегнул рюкзак и направился к выходу.

Опешив от такой холодности, Яньчжэнь преградил ему дорогу:

— Это еще что значит?

Хэ И глубоко вдохнул и выдавил осипшим голосом:

— Я ухожу. Больше занятий не будет.

— С какой стати? — ошарашенно спросил Яньчжэнь.

Внутри у Хэ И все клокотало от ярости. Но стоило вспомнить, что эту подработку ему устроила госпожа Лян исключительно из доброты душевной, запал испарился, уступив место горькой обиде. Кричать и скандалить он не имел права.

— Я не могу тебя учить, — как можно спокойнее произнес он. — Я правда лез вон из кожи, чтобы подтянуть твои результаты. Но тебе на это плевать. Лыжи, баскетбол, компьютерные игры, посиделки с друзьями, караоке — любая глупость для тебя важнее учебы. Я трачу на тебя все свои силы, а взамен не вижу даже элементарной отдачи.

Яньчжэнь удивленно вздернул брови:

— Ты вообще в курсе, сколько я набрал за последнюю контрольную? — возмутился он. — Плюс двадцать баллов к общему зачету! Понимаешь, что это значит? Ребята в классе уже считают тебя чуть ли не гением педагогики, а ты говоришь «нет отдачи»!

— Знаю я про твои двадцать баллов, — Хэ И тяжело вздохнул. — Только по моим расчетам должно было быть как минимум пятьдесят.

Яньчжэнь лишился слов.

На сей раз он опешил по-настоящему. Он не мог понять, то ли Хэ И витает в облаках, то ли настолько верит в собственные педагогические таланты...

— С любым другим учеником, — жестко отчеканил Хэ И, — пятьдесят баллов были бы гарантированным минимумом. При твоём изначальном уровне, если бы ты приложил хоть каплю усилий, этот результат показался бы смехотворным.

Яньчжэнь-то решил, что репетитор считает его скрытым гением, а вышло с точностью до наоборот. Его самолюбие было задето, лицо помрачнело.

— И чем плох мой балл? Немного поднажать — и проходной на первый поток в кармане. Да и вообще, судя по твоим амбициям, ты до меня только будущих профессоров тренировал? Много у тебя выпускников-то было?

Хэ И словно поперхнулся от этих язвительных слов. Он лишь горько усмехнулся — спорить и доказывать что-то больше не хотелось.

— Да, ты прав. Никого я не учил. Моя ошибка. — Хэ И мягко, но решительно отстранил его с дороги и открыл дверь. — Ищи себе другого репетитора.

Накинув лямку рюкзака на плечо, он стремительно вышел, ни разу не оглянувшись.

В груди Яньчжэня тоже вскипала злость, но какая-то подсознательная тревога не давала покоя. Он выбежал на балкон. Внизу, стремительно срезая путь через клумбы, шагал Хэ И. Его худая фигура выглядела хрупкой, шаг был нервным и торопливым.

На улице резко похолодало. Ледяной северный ветер бесцеремонно задувал за шиворот редким прохожим. Тонкая рубашка Хэ И надулась пузырем, отчего сверху он казался худой черепашкой с белым панцирем на спине.

Яньчжэнь не отличался излишней чувствительностью, и это зрелище вызвало у него невольную улыбку. Сами собой пальцы потянулись к телефону, чтобы сделать снимок. Но стоило ему пойти обратно в комнату, как глупая веселость улетучилась, сменившись смутной тревогой. И лишь когда силуэт парня окончательно скрылся из виду, Яньчжэнь хлопнул себя по лбу. До него наконец дошло: Хэ И ушел на мороз в одной рубашке, забыв куртку на вешалке!

Добравшись до кампуса, Хэ И заметил, что студенты косятся на него с нескрываемым изумлением. Только тут до него дошло, что он прошагал через весь город без теплой одежды.

С тех пор как один из кураторов брезгливо сделал ему замечание по поводу внешнего вида, Хэ И стал маниакально следить за гардеробом. Это превратилось в пунктик: любую вещь он носил максимум пару дней, после чего сразу отправлял в стирку. Стоило нарушить это негласное правило, как его охватывала тревога и ему начинало казаться, будто от него пахнет неопрятностью.

Накануне он как раз сменил зимнюю куртку, а грязную закинул в стирку. В холодное время года легкие рубашки сохли на батарее за ночь, а вот тяжелые вещи оставались влажными по нескольку дней.

Вернувшись в общежитие, он потрогал куртку — она по-прежнему была сырой. Делать нечего: Хэ И натянул плотный шерстяной свитер и побежал на лекцию. Однако утренняя пробежка нагишом по холоду не прошла бесследно. Посреди пары его бросило в жар, а в голове зашумело.

Понимая, что дело плохо, он отпросился у преподавателя и старосты курса и побрел в университетский медпункт.

Сдача анализов, рецепты, капельница... Жар накатывал волнами, перед глазами все плыло. Дежурная медсестра споро воткнула иглу в вену. Уставившись на мерное, усыпляющее «кап-кап» в прозрачной трубке, Хэ И незаметно для себя провалился в тяжелый сон.

Проспал он долго. Когда сознание вернулось, над кроватью покачивался уже новый флакон с физраствором. А у окна на стуле, неловко подогнув длинные ноги, дремал неожиданный гость.

Хэ И замер, тупо разглядывая Яньчжэня. Как он здесь оказался?

Судя по затекшей позе, парень торчал тут уже не первый час.

Сквозняк из приоткрытой рамы шевелил занавеску, и та время от времени касалась его лба. Лишь непослушный вихор на макушке Яньчжэня застыл недвижимо — такой же упрямый и ершистый, как и его хозяин.

Окончательно придя в себя, Хэ И устыдился своего полуденного порыва. Вспылил, наговорил лишнего... Но слово не воробей. Смотреть Яньчжэню в глаза после той некрасивой сцены было невыносимо неловко.

— Терпи, если ломит. Еще немного осталось, скоро снимут, — Яньчжэнь приоткрыл глаза, невидящим взором уставился на капельницу и лишь спустя полминуты окончательно пришел в себя. — Медсестра сказала, греть раствор нельзя.

В палате было зябко.

Когда Яньчжэнь разыскал его в больничном крыле, Хэ И уже спал без задних ног, но его пальцы то и дело дергались. Испугавшись, что игла выскочит из вены и под кожей вздуется шишка, Яньчжэнь осторожно перехватил его запястье. Пальцы и предплечье больного были ледяными, как у мертвеца.

Он сходил на пост и спросил, можно ли обернуть трубку теплой грелкой, но медсестра строго запретила: от нагревания лекарство теряет свои свойства.

Пришлось отступить. Вместо грелки Яньчжэнь просто вложил свою ладонь в холодные пальцы Хэ И, пытаясь согреть их теплом своего тела.

Позже, когда рука затекла, а капли во флаконе потекли совсем медленно, он перебрался на стул у окна и ненадолго прикрыл глаза.

— Ясно, — Хэ И отвел взгляд к потолку, чувствуя себя крайне неловко. — Спасибо. Но... как ты меня нашел?

Яньчжэнь пододвинул стул поближе к кровати. Помявшись, он тихо буркнул:

— Я буду заниматься. Честно. Только не злись больше, ладно?

Хэ И удивленно моргнул. Он не ожидал от избалованного богатого наследника такой кротости.

Если уж тот сам сделал первый шаг к примирению, дуться дальше было глупо. Помедлив, Хэ И едва заметно кивнул.

Яньчжэнь ничуть не удивился — похоже, он с самого начала знал, что получит прощение.

От этой его уверенности у Хэ И снова защемило в груди.

— Дело ведь не в том, что ты глупее остальных, — тихо заговорил он. — Тебе просто не хватает стимула. Ты относишься к экзаменам как к какой-то шутке. Мы занимаемся без году неделя, но я уже вижу твои способности. С твоими мозгами пройти порог первого потока — это программа-минимум.

Яньчжэнь вытаращил на него глаза. Да этот парень просто безумец!

— И не надо так на меня смотреть, я тебя не хвалю, — вздохнул Хэ И. — В Бэйчэне проходной балл для местных абитуриентов смехотворный, грех этим не воспользоваться. С твоей базой и уровнем подготовки вашей школы достаточно приложить самую малость усилий, чтобы занять прочное место среди хорошистов. Я не требую невозможного.

Яньчжэня давно мучил один вопрос:

— Почему тебе так важно, чтобы я поступил именно в престижный вуз?

— Да, — твердо ответил Хэ И. — Я хочу, чтобы ты учился в лучшем месте.

— Профессиональная гордость репетитора спать не дает?

— И это тоже, но не только, — Хэ И замолчал.

Будь на месте Яньчжэня кто-то другой, он бы давно умыл руки: его дело — дать материал, а там уж как карта ляжет. Но с Яньчжэнем всё почему-то было иначе. Почему он так близко к сердцу принимал его судьбу?

Он и сам не знал ответа. Четкие формулировки не шли на ум, поэтому он озвучил то единственное, что чувствовал:

— Я просто хочу, чтобы у тебя всё сложилось хорошо.

На лице Яньчжэня отразилось недоумение.

Наверное, дело было в банальной благодарности. Госпожа Лян приняла его как родного, а когда он заболел в прошлый раз, заботливо вытирала ему пот со лба. В его одинокой душе эти люди неосознанно заняли место семьи.

У Хэ И никогда не было близких, и теперь, когда они наконец появились, он готов был расшибиться в лепешку, лишь бы отплатить им тем же.

— Я хочу, чтобы ты получил всё самое лучшее, чтобы тебе никогда не пришлось кусать локти из-за упущенных возможностей... — Он посмотрел Яньчжэню прямо в глаза. — Думаешь, мне это легко дается? Я засиживаюсь над планами до часу ночи. В общежитии в пол-одиннадцатого вырубает свет, и мне приходится разбирать твои дурацкие задачи под одеялом, подсвечивая листы экраном телефона.

Яньчжэнь онемел. Теперь понятно, почему уроки проходили так легко, а все его слабые места выплывали наружу с хирургической точностью. Он-то наивно полагал, что Хэ И просто гений от природы.

— Никакой я не гений, — грустно усмехнулся Хэ И. — В Университет А я пробился только зубрежкой. Вставал в пять утра, ложился без четверти двенадцать ночи — всё это время перед глазами были только формулы и тесты. Я прогуливал физкультуру и общие сборы, лишь бы успеть решить лишнюю карточку. У меня были свои увлечения, мне... тоже кое-кто нравился. Но я заставил себя забыть обо всем этом. Боялся отвлечься хоть на секунду и съехать по баллам.

Услышанное никак не укладывалось в голове Яньчжэня. Он долго молча переваривал откровение репетитора, пока его мысли не зацепились за оброненную фразу про «кое-кого».

Сегодня Хэ И был в ярко-желтом свитере крупной вязки, из-за чего его худое бледное лицо казалось совсем детским и трогательным.

Яньчжэнь впервые видел на его лице такое мягкое, тоскливое выражение. В глубине глаз Хэ И затеплилась нежность, смешанная с застарелой печалью.

— И как? Признался ему? — тихо спросил Яньчжэнь. — Куда он поступил?

Хэ И очнулся от воспоминаний и покачал головой:

— Нет. Мы даже не общались толком. Он сдал экзамены гораздо лучше меня, но тоже учится здесь, в Бэйчэне.

— Вы виделись после переезда?

— Нет, — Хэ И улыбкой попытался скрыть неловкость. — Мы ведь почти не знакомы. Я за все время и парой слов с ним не перекинулся. Он слишком яркий, недостижимый. Вряд ли он вообще помнит, как меня зовут.

Яньчжэнь промолчал.

Ему невольно вспомнился староста из общежития Хэ И. По сравнению с этим таинственным идеалом несчастный сосед выглядел довольно жалко. Надо же, у Хэ И в сердце, оказывается, хранится недостижимый образ первой любви.

— Слушай, а ты ведь знаешь, что твой сосед по комнате к тебе равнодушен?

Хэ И растерялся, краска залила его щеки:

— Ты... откуда об этом знаешь?

— Брат У проболтался. Сказал, этот парень специально доплачивал, лишь бы тебя на работу взяли.

— Я знаю, — Хэ И поспешил закрыть тему Чжэнь Кайнаня. — Давай не будем об этом. Лучше ответь: ты сам-то хочешь учиться в хорошем месте?

Яньчжэнь замялся.

Откровенно говоря, никакой тяги к престижным дипломам он не испытывал. Ни госпожа Лян, ни отец никогда не требовали от него невозможного.

Родители души в нем не чаяли. Все их требования сводились к двум вещам: чтобы сын рос здоровым и счастливым. Карьерные высоты и почетные регалии стояли на самом последнем месте в списке приоритетов.

К тому же семья Хэ прочно стояла на ногах и могла обеспечить наследнику безбедное будущее без всяких дипломов.

Университет Лиги Плюща или столичный топ-вуз были пределом мечтаний для ребят из простых семей. Для них это был единственный шанс выбиться в люди, завязать полезные знакомства и совершить социальный скачок.

Яньчжэню же прыгать выше головы не требовалось. Всё, ради чего другие надрывались

годами, досталось ему по праву рождения. А то, чего не хватало, он мог без труда получить при малейшем усилии.

Он прекрасно понимал расклад. Отец уже давно присмотрел для него совместный международный университет. Нужно было лишь набрать минимальный балл для первого потока, чтобы без проблем поступить на программу британского образца.

Но сейчас признаться в этом Хэ И у него не повернулся язык.

То ли его задели за живое слова «хочу, чтобы ты получил всё самое лучшее», то ли рассказ о каторжном труде простого деревенского парня заставил устыдиться собственного безделья. А может, дело было в упрямом, горящем взгляде Хэ И, перед которым Яньчжэнь пасовал.

Поколебавшись мгновение, Яньчжэнь кивнул:

— Да. Хочу.

«Конечно хочу, — подумал он. — Иначе этот упрямец точно уволится».

Да и жизнь отличников внезапно показалась ему занятой. Неужели эти заучки способны влюбляться только в таких же зубрил?

В глазах Хэ И вспыхнуло искреннее облегчение. Он потянулся к Яньчжэню и негромко фыркнул:

— Тогда с этого дня беспрекословно слушайся меня и прекрати капризничать.

К тыльной стороне ладони Яньчжэня прикоснулись тонкие пальцы — ледяные от долгого вливания физраствора.

— Будто я только и делал, что капризничал, — проворчал под нос Яньчжэнь.

Развернув ладонь, он осторожно сжал холодные кончики пальцев Хэ И в своей руке.

«Говорят, у кого руки холодные, тех любить некому, — усмехнулся про себя Яньчжэнь. — А на самом деле это меня некому любить. Мало того что ни за что отчитали, так теперь еще и пахать придется ради поступления».